

Здоровый, сытый, белобрысый, со светлыми холодными глазами, верный слуга немцев, предатель своего народа, он был отвратителен.

— А ты кто такая? — грубо спросил у меня Захаров.

— Я хозяйка этого дома.

— Как твоя фамилия?

— Кошечкина.

— А-а, Кошечкина! Тогда скажи, где же твой сын Олег Кошечкин? Куда ты его девала?

— Сынок пошел в кино, и прошу вас, не кричите на меня.

Захаров заговорил со мной более спокойным тоном. Он даже пригласил меня в комнату:

— Зайдите-ка, поговорим кое о чем важном.

В комнате все было перерыто, перевернуто вверх дном. Взломав двери, полицейские старательно пересмотрели все вещи. К счастью, ожидая к себе этих гостей, я сожгла уже все подозрительное. Захаров снова спросил об Олеге:

— Я хочу только поговорить с юношей. Если окажется, что он невиновен, или... если он во всем признается, сразу его отпустим. Поверьте мне!

Я спросила:

— А что случилось, что вы пришли за Олегом? Арестовать его хотите, что ли? Мой сын никогда ничего плохого не делал.

— Не делал? — начал терять выдержку Захаров. — Значит, вы плохая мать, если не знаете, что ваш сын вытворял здесь в продолжение шести месяцев! — И вдруг в упор спросил меня: — Вы... Мошкова знаете?

— Нет, не знаю, — ответила я как можно спокойнее.

— Не знаете? Так он знает вашего сына и даже привел нас сюда. Хотите увидеть его? Мошков стоит на крыльце. Очень забывчивый парень! Никак не мог вспомнить, где живет его комиссар... пока не обломали ему руки. Тогда сразу вспомнил!